

23.01.2002

Павлова Вера

У нас до последней минуты растут волос и голос, и после последней минуты еще подрастает волос, а голос, вставши дыбом над телом, ставшим дыбой, плеснет ульывающей рыбой, блеснет улетающим дымом. («Небесное животное», 1997)

О стихах, точности, поэтах

- Вера Анатольевна, вы домашний человек?
- Совершенно домашний. Такое домашнее небесное животное.
- Вы не любите публичной жизни?

- Когда меня приглашают, я с удовольствием хожу на тусовки. Но это случается редко. И хожу я туда для развлечения, а не на работу.

- Насколько у вас взаимосвязаны жизнь и творчество?

- Не только взаимосвязаны - взаимобратимы. Чем дольше пишу, тем больше творчество диктует жизни, а не наоборот.

- Вы стараетесь писать каждый день? Цветаева говорила, что идет к столу, «как рабочий к станку».

- Я себя никогда не заставляю. Я и за столом-то никогда не пишу. Сочиняю в процессе жизни, а потом день или два заставляю себя сесть и записать стихи в блокнот.

- А к напечатанным стихам по-другому относитесь, нежели к только что написанным?

- Напечатанные стихи - как обожженные кувшины, я могу не беспокоиться за их прочность. А если какие-то стишки не печатаю - их у меня три или четыре тысячи - значит, они, по моему ощущению, не выдержат высокой температуры обжига...

- Вы следите за текущей литературной жизнью?

- Специально не слежу, все само приходит. Книжки дарятся, просятся в руки в магазинах...

- И чьи книги в последнее время попросились в руки?

- Недавно при странных обстоятельствах мне подарили книжку. Дома ее открыла - а там хорошие стихи. Этого автора пока никто не знает. Его зовут Марина Лозинская.

- А из известных поэтов кто вам близок?

- Многие. Это влюбленности, одна сменяет другую.

- А наиболее сильные романы?

- Последний, как ни странно, с Бунинным.

- Многие хвалят поэзию Елены Шварц. Как вы относитесь к ее творчеству?

- Мне очень нравится ее поэзия. А последняя книжка просто замечательная. Она договаривается до последней простоты.

- Вам простота близка?

- Да. Мне близки авторы, которые не сомневаются в том, что можно писать стихами, что это естественная речь. И не нравятся те, кто рефлексиирует на предмет того, возможна ли поэзия, жив ли язык, или те, кто выгораживает себя иронией, взглядом со стороны.

О вдохновении, Бахе, друзьях

- Вы не любите давать интервью, потому что вопросы вам задают неинтересные; вы себя неуютно чувствуете или все в стихах и дневнике говорите и на интервью ничего не остается?

- Когда каждый день ищешь предельной точности, обидно говорить приблизительно. Вот как я делаю это сейчас. В жанре интервью почти не остается места вдохновению, то есть необходимому для пишущего человека состоянию... Я понимаю Набокова, который, давая интервью, читал заранее написанные на карточках ответы.

- Потому что невозможно быстро сформулировать мысль?

- Потому что предельная точность дается в определенном со-

Вера Павлова: «Мои книги не приводят ко мне плохих людей»

Женственная, длинные волосы, тихий голос, ведет дневник, стихи печатает 12 лет, автор четырех поэтических книг, обладатель Большой премии им. Аполлона Григорьева...

Елена Калашикова

стоянии. Вдохновение - это готовность к точности. Редко интервью совпадает с таким состоянием, тем более что вдохновение все-таки предполагает одиночество.

- Ваш круг общения, видимо, составляют люди творческие?

- Только творческие, но от литературы в основном далекие. На первом по численности месте музыканты, на втором - художники, литераторы - на третьем.

- Возможно ли в творческой среде сохранить дружеские отношения - или «здрасьте» и все?..

- У меня несколько близких людей в литературной среде, мы общаемся безо всякой ревности. Вообще друзья - мое главное богатство. Перебираю их лица и имена в памяти, как четки, и думаю: «Какое счастье!» И что интересно, приток чудесных людей не прекращается. Считается, что в молодости близкий круг сформировался, а с возрастом только редет. А у меня с каждым годом

приток людей увеличивается. Кто приходит - все остается.

- А кто эти люди?

- Геннадий Федорович Комаров, издатель Пушкинского фонда из Питера, - золотой человек! Константин Победин - художник, мы с ним только три года знакомы, а кажется, что за одной партой сидели. Чаще всего люди ко мне приходят так: прочитают книжку, найдут номер телефона и звонят. Так позвонил художник Сергей Аксиутин: «Прочитал ваши стихи. Давайте что-нибудь сделаем вместе». И мы сделали выставку «Книга в ширмах». Он распечатал ширмы, а я сверху стихи написала. Мы показали ее в галерее «Сегодня».

- Я знаю, вы поете, у вас soprano. У вас музыкальное образование?

- Я училась в Гнесинском институте на отделении музыковедения.

- И работали по специальности?

- Нет. Несколько статей написала.

- А музыкальных проектов у вас не было?

- Замечательный композитор Ираида Юсупова, очень острый, глубокий, она - один из классиков современной музыки, написала цикл романсов на мои стихи, которые при первом исполнении я сама пела и играла на виброфоне. С Ираидой мы участвовали в коллективном проекте «Страсти 2000», посвященном баховскому юбилею.

- Вам Бах близок?

- Это ежедневный хлеб. Открываю «ХТК» («Хорошо темперированный клавир». - Е.К.) и играю, что попадется на глаза.

- А какой Бах вам ближе - фортепианный или органый?

- Ораториальный.

- Вы читаете газеты, журналы?

- Книжки бы все прочитать!

- Вы заставляете себя прочитать из воображаемого списка?

- Никогда себя не заставляю. До тридцати надо все подряд читать, заставлять себя, а потом уже выбирать. Все равно в книгах всего не

найдешь, и наоборот: все, что ищешь, найдешь в любой книге. Когда ты внутри целен, все приходит само. Ты сам как магнит притягиваешь то, что тебе нужно, и отталкиваешь ненужное. До тридцати у тебя есть право на ошибки, а потом оно отнимается.

- Получается, после тридцати жить сложнее?

- И одновременно легче - сама жизнь начинает тебе помогать.

- Как вы считаете, по внешности можно судить о внутреннем мире? Глаза - зеркало души?

- Если это хороший человек, который правильно живет и постепенно совпадает со своей внешностью... Но все-таки мои стихи принимают в людях больше, чем я сама. Не случайно почти все мои новые человеческие приобретения связаны с книгами. Книжки не ошибаются и не приводят ко мне плохих людей.

- А вы ждете прихода благодарного читателя? Вот Бродский, например, говорил, что чем дольше писатель живет на свете, тем меньше у него остается читателей, и в какой-то момент, глядя в зеркало, он понимает, что перед ним - его единственный читатель.

- Я не прожила столько, сколько Бродский, но одно могу сказать: то, что я писала раньше и от чего ушла, многим нравится больше, чем то, что я делаю сейчас. Увы...

Больно? Давай поглажу.

Шиплет? Давай подую.

Страшно? Стою на страже.

Бьет? Подставляю другую.

Мучает? Рада стараться, рада кудахтать над нею.

Сквозь меня продирается ей было больнее.

(«Линия отрыва», 2000)

Об издателя «Четвертого сна» и премии им. Аполлона Григорьева

- А как вы относитесь к Захарову? Многие его обвиняют в нечестности...

- Мы дружны. Его ко мне привел как раз интерес к моим прежним стихам и желание прочесть новые. Он их прочел - и издал. Он хороший. У меня вызывают сомнения люди, которые о нем плохо говорят. Есть и такие, для которых это стало целью жизни.

- Ругают и обложку «Четвертого сна».

- Обложка, сделанная по моей просьбе Костей Побединым, - он, впрочем, до этого оформил у Захарова черно-белого стильного Акунина - мне страшно нравится. Хотя были варианты.

- А чья была идея поместить критические отзывы в начале книги?

- Это мировой стандарт.

- Что для вас получение премии?

- Тяжелое испытание. Я была вынуждена взглянуть на себя со стороны, сидеть в своей ракушке было уже невозможно. Я не думала, что попаду в тройку.

- Как по-вашему, насколько случайно или не случайно решение? Жюри долго сомневалось, не могло отдать предпочтение одному кандидату.

- В жизни все не случайно. Но к премиям это не относится. Видимо, премии не относятся к жизни, по крайней мере такой вывод следует из моих слов.

- Значит, награда - случайность?

- Восемь лет назад в свой день рождения я шла по улице, и у меня не было ни копейки, чтобы угостить родных. И тут порыв ветра принес мне три десятитысячные банкноты, которые хлопнули меня по бедру и упали к ногам. Я их подобрала, долго бегала и спрашивала прохожих, не их ли это деньги. От меня все шарахались. Я купила сладкого, вина - и у меня был день рождения.